

ВЛАД ЛЬЕНСКИЙ

Жёлтая в

СОФЬОНЕ

Влад Борисович Льенский

Жёлтая в. Софьоне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26340088

ISBN 9785448574771

Аннотация

Первая часть приключений дошкольника Тимы. Кратко – детский сад, сочинитель сказок, способный рисовальщик, расставание с друзьями, новые встречи.

Содержание

Часть первая. Жёлтая в	5
Софьоне	6
От автора	6
Глава 1. Космос для всех	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Жёлтая в Софьоне

Влад Борисович Льенский

Редактор Ольга Александровна Маркова

© Влад Борисович Льенский, 2017

ISBN 978-5-4485-7477-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Жёлтая в

Софьоне

От автора

В первой главе пришлось сделать дубль нескольких абзацев. Кто-то решил, что 25% свободного доступа неслыханно поспособствуют привлечению читателей. Но я полагаю, знатоки с нескольких страницы поймут ценность или бесценность текста. В противном случае и полная демонстрация не поможет.

В.Л.

Глава 1. Космос для всех

*Семь сорок наступило,
Часами всё отбило,
А поезд не приехал,
Нет его и всё, но вот...
Народная песня «Семь сорок»*

Самая сильная вещь на свете – обстоятельства. Страна, в которой провозглашалось, что возможно быть сильнее внешнего, где культивировалось преодоление, распалась именно под давлением обстоятельств.

Под влиянием обстоятельств может измениться всё. Даже сила гравитации, такая могучая на земле, на орбите претерпевает изменения. Говорить о несокрушимости на планете просто смешно. Двигаются континентальные плиты, истираются горные цепи, айсберги тают в океане, а от громадных динозавров остаётся только тлен. Не вечно и Солнце. Но люди никогда не задумываются о подобных мелочах. Они считают себя могучими и значительными, смело бросая вызов космосу...

Ожидание тянулось нудно и томительно. Ему не было предела. Воздух казался плотным и вязким. Плывущие в нём люди чувствовали своё единство. Они не принадлежали себе. Их объединяла одна цель, общее желание, единое стремление. Глаза были направлены в одну сторону, мысли были

об одном. Мышцы гудели. Нервы вибрировали, точно струны. Неопределённость тонко звенела в ушах. Едва хватало сил устоять на месте.

Громкий голос внятно и чётко начал отдавать команды. Уже состоялось несколько успешных пилотируемых запусков ракет на орбиту. Уверенные слова команд означали, что всё правильно и идёт по плану. Волнение исчезло. Вместо тяжёлого ожидания пришла лёгкая убеждённость – Вокруг друзья. Наше дело правое.

– Ключ на подъём! – Поток один! – Дренаж! – падали весомые слова. – Ключ на синий сектор! – Поток два! – Запал! – Основная! – Добавочная! – Главная! – Ключ на зелёный сектор! – Марш!

При слове «марш» толпа с гоготом кинулась на помидорное поле. Особенно нетерпеливые любители даровщинки метнулись уже при слове «Запал». Доли секунды мало что значили в радостном расхищении социалистической собственности. Время было ограничено не настолько строго.

Солнце снисходительно коснулось края громадного прямоугольника с колхозными томатами. Собирать овощи жителям посёлка в другое время было строжайше запрещено. Но помидор было так много, что никаких сил не хватало для сбора. На поле оставалось ещё много спелых и не очень спелых овощей. Скоро начнутся заморозки, и всё созревшее и не созревшее просто перемерзнет и пропадёт. Поле будет

перепахано под зиму.

Руководством было принято соломоново решение. Позволили собирать помидоры, но только в краткое время заката солнца. Сбор начинался в момент касания горизонта и заканчивался с падением солнечного диска за край земли. Опытным путём было установлено, что за это время можно собрать не больше ведра помидор. Интрига состояла в том, что никаких объявлений, никаких разрешений, никаких приказов официально не было. Откуда пришла новость установить было невозможно. А только после пары проверочных набегов граждане убедились, что положительно можно брать помидоры на колхозном поле. И сейчас они суетливо рвали томаты, кидая их в сумки, вёдра и сетки-авоськи. Одновременно сборщики опасливо поглядывали то на шалаш сторожа, то на солнце. И если сторож не подавал признаков жизни, то солнце зримо передвигалось в сторону далёкой Америки.

Когда диск, цвета варёной кукурузы, окончательно скрылся из глаз, со стороны шалаша послышалась возня и шуршание, металлический звон и многозначительный кашель. Граждане намёк поняли и быстро стали выдвигаться на дорогу, отягощённые урожаем и окрылённые мыслями горячей благодарности к мудрому руководству. Это были времена Хрущёва с элементами настоящего коммунизма. В столовых бесплатно давали хлеб и салат из свежей капусты. За соль, перец, горчицу и бумажные салфетки на столах де-

нег не брали. Находились ловкачи, которые уминали хлеб, салат, благодарно отирали салфетками горячие после бесплатной трапезы лица и этим ограничивались, чем наносили урон коммунистической этике и доставляли явную прибыль частному хозяйству. В личном подворье не разрешали держать скот, а плодовые деревья облагались таким высоким налогом, что хозяева с горечью пилили их под корень. Так истреблялись частнособственнические инстинкты граждан, совершенно не нужные строителям коммунизма. А для прививки коллективизма позволяли безнаказанно собирать группами немножко помидор, немножко капусты или моркови. Всё равно остаток овощей под плуг пойдёт.

Бытовала байка о том, что заявил Никита Сергеевич Хрущёв на недавнем Пленуме ЦК КПСС.

– Народу нужен гуляш!

Под словом «гуляш» понималось не столько популярное блюдо, сколько застолье, весёлое и радостное. После жутких лишений и урона недавней войны всем хотелось простого житейского счастья. И в руководстве это понимали. Потому и сделано было такое послабление на полях.

Тима с бабушкой шагали по укатанной дороге к близкому посёлку шахтёров. Как звали бабушку, не знал никто из сборщиков, в том числе и сам внук. Обращались к ней и в семье, и соседи запросто – бабушка. У мальчика было полведра томатов, частью зелёных, частью спелых. В бабуш-

кином ведре было почти до краёв отборных красных плодов. На половине дороги добрая бабушка взяла у внука ведро.

– Мал ещё, Тима. Тяжело нести, – посочувствовала она.

В посёлке толпа сборщиков быстро разошлась по сторонам. Многие всё ещё не верили в собственное счастье и постоянно заглядывали в вёдра и сумки, всякий раз сдержанно смеясь при виде собранного. Коммунизм был зрим и осязаем, что не могло не радовать. Новая пятиэтажка Тимы, где он с недавнего времени жил, располагалась прямо на краю посёлка. Квартира была на четвёртом этаже двухкомнатная, угловая. Последнее считалось печальным. Крайние комнаты в силу объективных причин были холоднее внутренних. Таким образом, из двух комнат полноценной была одна. Правда, летом этого было не заметно.

Добытки вошли в кухню. Мама сделала вид, что ничего не замечает. Она работала бухгалтером на шахте, поддерживала всяческий порядок и контроль, поэтому дармовые помидоры, принесённые свекровью, вызывали в ней раздражение. Мама не состояла в партии коммунистов. Но в силу своего воспитания не выносила нарушений и своеволия. Изменить, однако, она ничего не могла. И она отворачивалась. Не хотела собачиться, зная, что и муж портить отношения с собственной матерью не будет.

– Фёдор в войну погиб... Написали – пропал без вести. Не захотели платить семье за потерю кормильца. Небось, не обеднеют теперь от ведра помидор, – обратилась к Тиме

бабушка. Тима кивнул. Деда он никогда не видел и оттого никаких чувств к нему не испытывал. Но бабушку любил искренне.

Мама не собиралась начинать дебаты и вышла в комнату, пока свекровь раскладывала спелые помидоры в новом холодильнике, а неспелые на широком подоконнике. Семья Тимы держалась на условностях и в силу сложившихся обстоятельств. Мама хорошо относилась к папе и никогда не допускала мысли об иных отношениях, кроме семейных. Папа был слишком занят на работе, чтобы заниматься ещё и налаживанием отношений с женой. Она исполняла всё, что должна делать супруга, так чего ещё было желать? От союза двух эгоистов и появился Тима.

Болеет маленький Тима постоянно. Были периоды, когда Тима лежал в постели неделями. Он переболел всеми детскими болячками. Он был почти всё время простужен. У него не пропадала высокая температура. А между тем большинство детей его возраста постоянно посещали детский сад. Выздороветь окончательно мальчик не мог. Новый кирпичный дом, где он жил с недавних пор, строился качественно. Кирпич на кладке употреблялся мокрый. Этого требовал технологический процесс каменной кладки. Оттого новое здание очень долгое время просыхало. Вот эта сырость и не давала возможности поправиться как следует. Снова и снова ослабленный ребёнок простывал в садике. И снова он не мог до конца выздороветь в сырой квар-

тире. Едва поправившегося, его вели в садик и всё повторялось. Взрослые переносили ситуацию легче, болели не так часто и поправлялись быстрее. Большинство семей нового дома на время отдавали детей бабушкам. Мама Тимы не могла так поступить. Её мама жила далеко. Свекровь взять ребёнка принципиально не желала. Незачем дитя от матери отрывать, а то так и отобьётся совсем. Да и вообще, мама привыкла полагаться во всём на собственные силы, обходится самой.

Но, как бы там ни было, иногда Тима и в садик ходил. Там ему сначала не слишком нравилось. Много было хорошо, многое прекрасно. А только в садик Тима не рвался. Но истерик не устраивал, как некоторые дети. Он привык бывать один и знал, что есть вещи, которых не изменить никакими криками и слезами. Так зачем зря волноваться? Обычно, в понедельник Тиму, подкормленного на всякий случай таблетками, сдавали в садик вполне успешно. Иногда и во вторник мальчик бывал на ногах. Но, как правило, в среду маме звонили в бухгалтерию шахтоуправления и просили забрать заболевшего сына. Сердясь и нервничая, мама бросала работу и мчалась за Тимой. Открывался широкий фронт борьбы за здоровье. С четверга по субботу включительно Тима был дома в одиночестве. В такие дни он почти не ел. Если мама ухитрялась, то прибежала посреди дня. Она поила Тиму микстурами, кормила таблетками и грела горчичниками, укутывая в толстенное одеяло. В воскресенье Тима по-

кидал койку и был почти здоров. В понедельник мама отводила мальчика в садик, беспокойно предчувствуя звонок. Ребёнок умудрялся простывать там, где другие дети даже не чихали.

Оказавшись впервые в детском саду, Тима привык довольно быстро. Воспитательница, увидев, что ребёнок не капризничает, а с любопытством осматривается, вздохнула с облегчением.

– Кажется, с этим не будет особенных проблем, – решила она про себя.

Детский сад был хорош, очень хорош! Принадлежал он богатому ведомству угледобычи и для детей постарались. Двухэтажное каменное здание уютно притеняла зелень ветвей. Блестящая кровля из оцинкованной жести радовала глаз. Внутри огороженной территории детсада было множество газонов, клумб, куртин, экранов, арок и деревьев. Газоны были коротко выкошены и светились чистотой, а кусты жёлтых акаций в те, первые дни, обильно источали приторный, излишне сильный запах. Для малышей были дорожки, песочницы, горки, качели и беседки. Всё было добротным и надёжным. Если будут трудности в жизни, то после. Сейчас к детям было обращено самое внимательное отношение. Детский сад летом даже на собственную дачу выезжал. На все три месяца.

Не успел Тима хорошенько разобраться, куда он попал, как настало время завтрака. За столом мальчик не ел и его тарелку моментально переставил себе сосед, а Тиме подвинул свою, пустую.

Горняцкие районы в войну попали в зону оккупации. Среди детей сразу после освобождения утвердился уличный кодекс неписаных правил, который строго соблюдался. Правила удачно сдерживали детскую агрессию через порядок игрушечной войны.

Никто не удивлялся Тиминой углублённости в себя. А воспитательница была просто счастлива. В группе были, кроме обычных, избалованные дети, которые ещё и жаловались дома на регулярные порядки и случайные беспорядки. И эти несколько детей выматывали воспитательницу так, как не утомляли все остальные вместе. Но Тима даже не разговаривал никогда, если не спрашивают. Он вообще предпочитал привычное одиночество.

После завтрака детей вывели на прогулку.

– А у тебя беретка! – услышал Тима девчоночий голос.

– Берет, – строго поправил мальчик, соображая, зачем это она подошла и интересуется.

– Ты так не говори, – назидательно предупредила девочка, – А то будут дразнить «повторюша – хрюша».

Тима промолчал, не зная, что ответить. Никакого повтора он не заметил. Слова «беретка» не существует. С этим

невозможно спорить. Но у его знакомой, похоже, есть собственное мнение на этот счёт. Пусть говорит неправильно. Хорошие отношения дороже правил.

– Знаешь, как надо мёд собирать береткой? – лукаво усмехнулась новая знакомая.

Тима уже слышал, что её звали Наталка, иногда Талка, но не знал, можно ли ему называть её так по—приятельски. Или надо говорить – Наташа, Наталья, раз они не были коротко знакомы. И про мёд он тоже не знал. Это его озадачило. Он привык соизмерять свои поступки с суровым кодексом уличного мальчишки. А там были недвусмысленные рекомендации избегать девочек. Для игр в войну, слишком плаксивые, они не подходили и потому с порога отвергались, как нежелательное общество. Но теперь волей-неволей приходилось с их присутствием считаться, даже разговаривать. И этого раздела в правилах не было, что вызвало у мальчика затруднение первое время. Жизнь по правилам не вошла ещё в его кровь и плоть до автоматизма из—за постоянных болезней и пропусков боевых действий. Сталкиваясь с новой обстановкой, мальчик мысленно сверял своё поведение с кодексом, и на это уходило заметное время. Со стороны ребёнок казался тугодумом.

– Не знаю, – ответил Тима в растерянности. Он ещё не умел скрывать свои чувства и искреннее недоумение его было умилительно.

Самая сильная вещь на свете – обстоятельства. Страна, в которой провозглашалось, что возможно быть сильнее внешнего, где культивировалось преодоление, распалась именно под давлением обстоятельств.

Под влиянием обстоятельств может измениться всё. Даже сила гравитации, такая могучая на земле, на орбите претерпевает изменения. Говорить о несокрушимости на планете просто смешно. Двигаются континентальные плиты, истираются горные цепи, айсберги тают в океане, а от громадных динозавров остаётся только тлен. Не вечно и Солнце. Но люди никогда не задумываются о подобных мелочах. Они считают себя могучими и значительными, смело бросая вызов космосу...

Ожидание тянулось нудно и томительно. Ему не было предела. Воздух казался плотным и вязким. Плывущие в нём люди чувствовали своё единство. Они не принадлежали себе и казались связанными одной целью, общим желанием, единым порывом. Глаза были направлены в одну сторону, мысли были об одном. Мышцы гудели. Нервы вибрировали, точно струны. Неопределённость тонко звенела в ушах. Едва хватало сил устоять на месте.

Громкий голос внятно и чётко начал отдавать команды. Уже состоялось несколько успешных пилотируемых запусков ракет на орбиту. Уверенные слова команд означали, что всё правильно и идёт по плану. Волнение исчезло. Вместо

тяжёлого ожидания пришла лёгкая убеждённость – Вокруг друзья. Наше дело правое.

– Ключ на подъём! – Поток один! – Дренаж! – падали весомые слова. – Ключ на синий сектор! – Поток два! – Запал! – Основная! – Добавочная! – Главная! – Ключ на зелёный сектор! – Марш!

При слове «марш» толпа с гоготом кинулась на помидорное поле. Особенно нетерпеливые любители даровщинки метнулись уже при слове «Запал». Доли секунды мало что значили в радостном расхищении социалистической собственности. Время было ограничено не настолько строго.

Солнце снисходительно коснулось края громадного прямоугольника с колхозными томатами. Собирать овощи жителям посёлка в другое время было строжайше запрещено. Но помидор было так много, что никаких сил не хватало для сбора. На поле оставалось ещё много спелых и не очень спелых овощей. Скоро начнутся заморозки, и всё созревшее и не созревшее просто перемерзнет и пропадёт. Поле будет перепахано под зиму.

Руководством было принято соломоново решение. Позволили собирать помидоры, но только в краткое время заката солнца. Сбор начинался в момент касания горизонта и заканчивался с падением солнечного диска за край земли. Опытным путём было установлено, что за это время можно собрать не больше ведра помидор. Интрига состояла в том, что никаких объявлений, никаких разреше-

ний, никаких приказов официально не было. Откуда пришла новость установить было невозможно. А только после пары проверочных набегов граждане убедились, что положительно можно брать помидоры на колхозном поле. И сейчас они суетливо рвали томаты, кидая их в сумки, вёдра и сетки-авоськи. Одновременно сборщики опасливо поглядывали то на шалаш сторожа, то на солнце. И если сторож не подавал признаков жизни, то солнце зримо передвигалось в сторону далёкой Америки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.